

© 2012 г. *О.В. Епархина*

УДК 321

СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ Ш. ЭЙЗЕНШТАДА

Шмуэль Ной Эйзенштадт (*Shmuel Noah Eisenstadt*) – израильский социолог, виднейший теоретик в области проблем модернизации, революций и развития цивилизаций. Для Ш.Эйзенштадта характерно обоснование современных трендов европеоцентристской интерпретации культурной программы Запада как наиболее органичной для современного мира модели, наиболее ранней и воспроизводимой. В то же время, существенный интерес представляют варианты интерпретации и осуществления этой модели в различных культурных и институциональных средах. Этот подход весьма актуален в условиях активизации революционных проявлений в мире на фоне цивилизационных разломов. Целью данной работы является вычленение и анализ проблематики социальной революции, представленной в работах Эйзенштадта.

Ш.Эйзенштадт полагает, что социальные объекты, не подчиняясь имманентно присущим социальному миру общим законам, функционируют в рамках конфликтов или взаимодействий, что приводит к многообразию механизмов социального регулирования. В частности, речь идет о символических компонентах социальной регуляции, куда включаются знаковые системы, нормативно-ценностная и ритуальная составляющие, знания и т.п.

Особое внимание в его работах уделяется условиям и историческим обстоятельствам, в которых происходят революции и революционные преобразования [1, с. 40]. С этой целью он рассматривает «базисы, присущие великим цивилизациям, специфику формирования антиномий в европейском опыте и их трансформацию в великих революциях» [1, с. 23]. Антиномичность основ цивилизаций приводит к мультивариантности революционного опыта. Ш.Эйзенштадта в большей степени интересуют т.н. «современные революции», к которым он относит Нидерландскую, Французскую, Английскую, Американскую. Кроме того, он выделяет в качестве объектов и т.н.

«позднесовременные революции»: европейские революции 1848 г., Парижскую коммуну 1870-1871 гг., русскую революцию 1917 г., китайскую революцию 1911-1948 гг., революции в Турции, Вьетнаме, Югославии.

Революции имеют, по мнению Ш.Эйзенштадта, существенные отличия от иных действий, связанных с протестным поведением и конфликтами интересов: широкий диапазон деятельности протестных движений и интенсивность коалиционности их проявлений; борьба элит; выраженная идейность; структурированность. В результате революций сформировались следующие культурные ориентации, имевшие затем глубокое влияние на современность:

1. соотнесение настоящего с будущим;
2. подчеркивание коллективного начала и социальной справедливости;
3. построение нового общества на основе новой базовой культурной модели;
4. подчеркивание возможности активного участия социальных групп в формировании нового социального и культурного порядка;
5. универсалистская ориентация, отрицающая политические и национальные границы, но, в то же время, воспроизводящая социальный порядок в определенных границах.

Анализируя революционные преобразования, Ш.Эйзенштадт приходит к выводу, что «секты, гетеродоксии являлись компонентом динамики цивилизаций» [1, с. 30], в то же время, существенные трансформации, которые претерпевали сектантские движения в ходе революций, связываются им с формированием нового типа политических деятелей и лидерства. Он полагает, что возрастающую роль в формировании лидерства играют особые культурные группы – интеллигенция и политические активисты, носители гностических представлений о религиозных иерархиях или секулярных версиях этих иерархий. Великие революции повлияли на сознание современных обществ, сформировали особую символику и эстетику; революционный опыт Европы воспринимается как модель для других стран, но их постулаты могут оказаться неадекватными, так как разнообразие революционных ситуаций и тот факт, что многие из них не соответствуют европейской модели, заставляет Ш.Эйзенштадта критиковать существующие подходы к анализу революций [1; 2; 3; 4].

Именно революции Нового времени сформировали образ «чистой революции», отличительными чертами которой являются связь между движения-

ми протеста и вовлечение этих движений в политическую борьбу; характер их базовой символики, ее структурное выражение; специфические последствия революционных действий [1, с. 31].

Эти революции структурировались как действия коалиций\контркоалиций элит: «в революционные коалиции вступали экономические, политические элиты первого и второго плана, выразители солидарности разного рода общностей, идеологи моделей культурного порядка» [1, с. 234]; в ходе революции имело место сочетание движений протеста и движений институционализации политического процесса [1]. Институциональные связи находят отражение в революционной символике. На примере концепций революции М.Уолзера и Х.Арендт Ш.Эйзенштадт показывает, что такого рода символика была призвана заменить тип легитимации. Так, например, Х.Арендт говорит, что изменения в типе легитимации связаны со стремлением к переустройству социального порядка и тенденцией идеологического формулирования предписаний нового порядка. Однако, Ш.Эйзенштадт указывает, что революции Нового времени отличает организационный и символический разрыв, что связано с изменениями в господствующих интеллектуальных традициях и изменениями в религиозных ориентациях.

Институциональным средоточием важнейших тем протеста служили авторитет (особенно семья как его источник), система стратификации и символические характеристики иерархии. Таким образом, Ш.Эйзенштадт выделяет четыре базовых компонента образа революций: разрыв с прошлым, принципы справедливого распределения, приобщение к макросоциальным и культурным ценностям высшего порядка, образы авторитета, социальной иерархии и классовой борьбы. Изменения в символах и порядке легитимации, составе правящего класса, основах доступа к центру, отношениях между центром и периферией, привели к изменениям в структуре общественного строя в целом: широкие слои населения начали стремиться к приобщению к формированию новой символики и институтов общества, изменился макросоциальный и культурный миропорядок, социополитические системы приобрели способность к расширению. Это провоцировалось как ожиданиями со стороны элит, ожиданиями экономического развития и модернизации, так и требованиями социальными группами возможностей более активного участия в политическом процессе. Последнее вело к росту политических требований и расширению диапазона каналов доступа к ресурсам, а, следовательно, влия-

ния на центр групп интересов, социальных движений, общественного мнения, партий [1, 232]. Все эти формы, по мнению Ш.Эйзенштадта, существовали и в традиционных обществах, однако, широкого представительства слоев и групп и их выраженной политической активности не наблюдалось. Идеологами и носителями современных революционных символов выступают т.н. группы-институциональные организаторы, обладающие структурированными центрами, солидарные с другими группами, элитами второго плана.

Рассматривая условия, специфические черты и результаты революций Нового времени, Ш.Эйзенштадт выделяет внешние и внутренние факторы развития революций. К внешним факторам он относит войны, соперничество между государствами, воздействие формирующих экономических и политических международных систем. К внутренним факторам относится формирование элит с выраженным политическим самосознанием, или иных социальных сил, что связано с экономическими условиями: расширением рынков, технологическими инновациями, формированием новых способов производства, или с идеологическими условиями. Кроме того, имеют место и связующие факторы, к которым исследователь относит обострение борьбы между элитами и внутри элит и, как выражение этого, массовые народные восстания; рост интеллектуальных и религиозных движений.

Сам он говорит об этом так: «...во всех обществах, где произошли революции Нового времени, к упадку режима привело, с одной стороны, сочетание внешнего давления, которое возникало в первую очередь в результате формирования современной системы межгосударственных отношений и международной капиталистической экономики, а с другой – внутреннего воздействия и конфликтов, к которым приводило такое давление» [1, с. 246].

В связи с этим Ш.Эйзенштадт предлагает типичную схему анализа участников такой борьбы:

- традиционные, но потенциально способные к модернизации монархии с сильными абсолютистскими тенденциями;
- группы крупных и средних землевладельцев и городских слоев, развивающиеся в русле капиталистического рынка;
- разнородные группы крестьянства, имеющие как потери, так и выгоды от новых экономических условий;
- традиционные городские группы и пролетариат;

- интеллектуальные и религиозные секты и движения;
- институциональные организаторы, в т.ч. новые политические элиты.

Историческую среду революций Нового времени, таким образом, составили переход от традиционного (закрытого) образца легитимизации политической власти к открытому; определение норм социального взаимодействия и их институциональных механизмов; расширение диапазона участников политического процесса. Кроме того, он отмечает, что почти все общества, в которых происходили революции, были обществами имперского или имперско-феодального типа; это позволяло выделять центр и периферию, определять каналы взаимодействия, создавать специфическую социальную иерархию.

Ш.Эйзенштадт солидарен с позицией Т.Скочпол относительно основных причин и предпосылок революций [5], однако, отмечает, что таким образом нельзя объяснить переход от традиционного к современному обществу, совершенный неревлюционнм путем, а также преобразования символической структуры общества, не сопровождавшиеся революционными процессами, но сопровождавшиеся возникновением такого же постреволюционного порядка, как и в странах, где революции имели место (Скандинавские страны, Швейцария). Таким образом, чтобы найти объяснение этому, необходимо выявить комбинацию особенностей социальной структуры и культуры обществ и особых условий, спровоцировавших осуществление революционных трансформаций. Это выражается в связях элиты, центра общества, периферии.

Особый интерес представляет его типология революций и их результатов. Ш.Эйзенштадт выделяет общие черты, присущие революциям и их результатам: растущая структурная дифференциация и специализация; установление международных организационных систем и рынков; распространение открытых систем стратификации и мобильности где доминируют критерии достижительности с ослаблением традиционных систем, замещение их открытыми формами классового типа [1, 260]; изменения в политической сфере.

Различия же в результатах революций сводятся им (достаточно условно) к следующим:

- Масштабы и интенсивность модернизации большинства институциональных сфер;
- Различия в составе отраслевых сообществ (крестьянство, профессиональные группы и т.п.);

– Различия в степени унификации и централизации политической системы и участия широких слоев населения в политике.

Объясняя различия в результатах революций, Ш.Эйзенштадт, опираясь на работы А.Гершенкорна, Б.Мура, Дж.Каутски, С.Роккана, С.Липсета и институциональную методологию, говорит о таких причинах как различия в уровне модернизации и организации экономики и позиция страны в мировой экономической системе (центр-периферия). Однако, отмечая, что такая схема применима не только к революционным обществам, но и к любым другим, он предлагает добавить три положения: нарушение структурной и символической преемственности; насилие; многообразие способов структурирования классовых интересов и отношений. Он не принимает концепцию Б.Мура о классовых коалициях как причине различий в революционных результатах, поскольку Б.Мур мало внимания уделяет государству как самостоятельному субъекту политических отношений и не учитывает вариативности структурирования классов. Наиболее близки в этом плане ему позиции Т.Скочпол и К.Тримберджера [5], акцентирующих внимание на государстве и способах организации отношений между классами как факторов, определяющих исход революции, хотя он также указывает и на их недостаток: они не учитывают вариативности отношений государства с классами и слоями общества.

Различия в результатах революций объясняются им и различиями элит, институциональных организаторов. Наиболее ярко это можно проиллюстрировать на примерах Английской, Американской и Французской революций: «В отличие от Англии, во Франции образовалась глубокая пропасть, разделившая ее традиционные и вновь выдвинувшиеся элементы» [1, с. 275]. Революции такого типа имеют более высокие показатели насилия. А в случае Американской и Нидерландской революции, их главным результатом явилось установление новых границ политического сообщества и введение новой символики его национальной, а не только политической идентичности. Кроме того, эти революции характеризовались тем, что «смена элит и изменение характера их интересов в большой мере обусловили переструктурирование в сфере социальной иерархии, а также процессы расширения рынков как фактор, определяющий структуру самих групповых интересов» [1, с. 269].

Применяя эту методологию в анализе европейских революций, Ш.Эйзенштадт отмечает их отличительные черты: полицентричность революционных

обществ; высокую степень проникновения центра в периферию; высокая автономность отдельных групп и слоев общества в плане их доступа к центру; многочисленность элит; развитость групп институциональных организаторов и элит второго плана; склонность последних к организации новых властных и институциональных центров. Поэтому Г.Эйзенштадт, рассуждая о преемственности в культурных кодах, символах идентичности и структуре институтов, последовательно проводит мысль о том, что во всех революционных обществах существовала преемственность - в культурных ориентациях, ценностях и их институциональных производных. Если первое было более характерно для Китая, России и Турции, то последнее – для Европейских революций. Таким образом, Ш.Эйзенштадт говорит, что революционные общества отличались различной степенью нарушения преемственности в символах коллективной идентичности как ключевых аспектах институциональной структуры.

Особый интерес в модели Ш.Эйзенштадта представляет специфика революций в отдельных странах. Специфика Китая состоит в том, что имперская система имела монолитный центр, с сильной культурной и политической автономией, при этом поддерживалась солидарность с периферией, а статусные группы собственных ориентаций не формировали, получая их от центра в «готовом виде». Важную роль во всех социальных процессах играла социальная группа ученых-книжников: именно она соединяла центр и общество в целом, т.е. одновременно выступала как политическая элита и разработчик моделей культурного порядка, контролируя доступ к центру иных групп: «Фактически, они монополизировали доступ к макросоциальному порядку» [1, с. 277]. Ш.Эйзенштадт говорит о частичном сохранении преемственности культурных ориентаций, что было связано с открытием рынков и изменением структуры доступа к ним различных групп и развернутым перераспределением ресурсов, в частности, земельных. Однако, централизация контроля над использованием ресурсов не могла быть обеспечена полностью в силу раздиравших центр противоречий и конфликтов: «идеологический принцип удерживания всей полноты власти или упор на сплоченность и коллективизм находились в противоречии с задачами экономического развития» [1, с. 280].

Россия обладала максимально монолитным центром со слабыми связями элит второго плана, а также между ними и социальными движениями, социальными группами. Центр, будучи полностью автономным, пресекал попыт-

ки доступа к нему любых крупных социальных общностей, полностью контролируя ресурсы. В силу столь высокой разобщенности они вступали в противоречие с центростремительными ориентациями элит второго плана. Не имея отношений солидарности с социальными группами и слоями, эти стремления практически не могли быть реализованы, как и в случае с Китаем, в ходе революционных трансформаций: изменение символических ориентаций и принципов легитимации и уничтожение правящего класса привели к образованию новой общественной иерархии. Однако, в отличие от Китая, в России нижние слои (в частности, крестьянство) лишились экономической базы в ходе революции, утратив контроль над ресурсами. В силу высокой степени контроля над ресурсами «постреволюционный центр постоянно проводил мобилизацию периферии, не позволяя ей создавать автономные организации и следуя в таких ограничениях традиционному образцу» [1, с. 282].

Анализируя кемалистскую революцию в Турции, Ш.Эйзенштадт говорит, что в этом случае центр представлял смешение имперских и патримониальных элементов, причем, первый укреплялся и поддерживался исламской идеологией, второй – организацией и структурированием центра и периферии и отношений между ними. Модернизация, ускоряя разрушение монолитности такого центра (правители, чиновники, военная элита, профессиональные группы), привела к необходимости поиска последними каналов солидарности с низшими слоями, в частности - через высшие группы сельской периферии. Изменилась символика политического сообщества, границы общностей и принципы легитимации, но изменилась и схема воспроизводства идентичности: общество ушло от исламской идентичности и перешло к использованию понятия «нация». Фактически, здесь можно говорить «об отрицании универсальной системы, в отличие от Европы, состоялся переход от одного типа универсальности к другому» [1, с. 283]. Другими особенностями турецкой революции стали сопровождавшее ее открытие рынков и затем неполное устранение старых правящих элит и классов; изменение идеологических оснований отношений между центром и периферией в духе отношений Нового времени.

К типу неклассических революций Ш.Эйзенштадт относит отличные от классических образцов имперских и имперско-феодальных обществ революции в Мексике, Боливии, на Кубе, Португалии, близких к патримониальной модели социальных отношений. Для них характерны слабая структурная

дифференциация между центром и периферией; статусная обособленность; низкая символическая и организационная оформленность движений протеста, групп и пр.; незрелость элитных связей; ограничение центром доступа к ресурсам; особая нестабильная внутренняя структура центров, повлиявшая на наличие милитаризированных или бюрократических элит, доминирование исполнительной власти. Процессы изменений в неопатримониальных обществах обуславливались масштабным ростом социальной мобильности, изменениями структуры элит и изменениями в символической организации и символическом значении институциональных комплексов.

В силу интегрированности этих обществ в международные системы эти процессы сопровождались ростом радикализма и ориентаций на революции, но эти общества не следовали чистым революционным образцам: как правило, изменения в одной сфере не совмещались с одновременными изменениями в остальных, что связано со спецификой элит и колониальным опытом этих стран. Движения протеста часто направлялись внешними силами, революционные группы носили обособленный, насильственный и экстремистский характер [1, 348].

Таким образом, образцы структурных изменений и революционных движений позднесовременных (постиндустриальных) обществ имеют существенные отличия. Рост уровня жизни, технические достижения и изменения принципов распределения ресурсов привели к институционализации революционных принципов и классовой символики. В таких обществах имеет смысл говорить о «рутинизации революционной харизмы», что ослабляет предпосылки революции. Ссылаясь на работы К.Оффе, К.Майера и В.Мюллера, Ш.Эйзенштадт выявляет основное противоречие таких обществ: противоречие между обобществлением труда и частным присвоением прибавочной стоимости сочетается с обобществлением экономического сектора в целом в силу постоянного вмешательства государства. Рост роли государства как агента распределения ресурсов приводит к росту обособленных статусных групп, деполитизации классовой борьбы, дроблению элит и росту коалиционности, что приводит к ослаблению предпосылок «полноценной революционной ситуации»: революции заменены бунтами и образ «чистой революции» уходит в прошлое. Такие изменения Ш.Эйзенштадт трактует как сдвиг в основаниях современной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.
2. Эйзенштадт Ш. Прорывы «осевого времени» их особенности и происхождение // Современные теории цивилизаций. М., 1995.
3. Eisenstadt S. European Civilization in a Comparative Perspective: a Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987.
4. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
5. Skocpol Th. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979.

LITERATURE

1. Eizenshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacii. M., 1999.
2. Eizenshtadt Sh. Proryvy «osevogo vremeni» ih osobennosti i proishozhdenie // Sovremennye teorii civilizacii. M., 1995.
3. Eisenstadt S. European Civilization in a Comparative Perspective: a Study in the Relations between Culture and Social Structure. Oslo, 1987.
4. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
5. Skocpol Th. States and Social Revolutions: a Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979.

***Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова***

2 февраля 2012 г.